

*Посвящается Маккензи и Джиллиан:
я пишу о сильных женщинах,
потому что живу с такими женщинами.
Быть вашим отцом — это большая честь.*

ПРОЛОГ

Вокруг стояла крошечная тьма. Он не смог бы различить свои руки, даже если поднял бы их к самому лицу, — но он знал, что где-то в комнате лежат два тела. Мать и дочь, обе убитые в течение всего нескольких минут, стали жертвами слепой ярости, на смену которой пришли отчаяние и ощущение тупой безнадежности. Он видел все, что с ними происходило; тогда свет еще горел. Он мог во всех деталях рассмотреть разворачивающуюся перед ним ужасающую сцену, услышать каждый звук, отражавшийся от голых бетонных стен, — но все это походило на пугающий сон. Вспоминая крики, он и сейчас словно бы слышал их сквозь толстый слой ваты.

Он чувствовал, как нарастает слабость. Похоже, рана от дробовика оказалась слишком серьезной. Он больше не сомневался, что скоро умрет. Никто и понятия не имел, где он находится; поисковые операции, скорее всего, уже были свернуты. Впрочем, в конечном счете это не будет иметь никакого значения; он просто станет еще одним трупом и вытянется на холодном

полу рядом с двумя мертвыми женщинами. Вот каким будет его конец. Этот темный подвал будет последним, что он увидит в своей жизни. Он был готов — пожалуй, даже ждал этого.

Толстая цепь, соединявшая его со стеной, натянулась и сдавила ему правое плечо. Он двинулся, и она шумно звякнула. Он остановился и прислушался, из всех сил надеясь, что его не услышали.

Сверху слышались шаги.

Он различил, как кто-то движется по комнате, и застыл на месте: вот-вот раздастся скрип ведущей в подвал двери и его мучитель начнет тяжело спускаться по лестнице. Однако на этот раз все было по-другому. Кто-то прошелся прямо над его головой, а затем повернул и направился в обратную сторону. Этот человек перемещался быстро, почти бегом.

Щелкнул затвор дробовика.

Шаги оборвались.

Наступила тишина.

Он затаил дыхание, пытаясь уловить хоть малейший звук. Он ждал, когда откроется дверь, но во всем доме воцарилась абсолютная тишина. Цепь негромко звякнула, но он зажал ее в свободной руке. Оставалось только ждать.

Наверху с грохотом растворилась дверь. Зазвучали громкие мужские голоса:

— Полиция!

— Департамент полиции Нью-Йорка!

— Выходите немедленно!

Он привалился к стене, словно бы пытаясь защититься от агрессии, которая слышалась в этих криках. Его дыхание слабело. Конец был близок.

Сверху по-прежнему грохотали шаги:

— Руки вверх!

— Он здесь! На кухню!

— Опустите оружие!

Послышался выстрел. По всей видимости, полицейские тут же открыли ответный огонь — такой частый, что ему показалось, будто стреляют из пулемета. Через пару мгновений все было кончено. Снова наступила тишина.

Он почувствовал запах пороха, и его затошнило. Он попытался выпрямиться, но понял, что не может удержаться на ногах. Ни к чему не привела и попытка позвать на помощь: из пересохшего горла не вырывалось ни единого звука. Он перестал понимать, что происходит.

Дверь в подвал распахнулась.

Щелкнул выключатель.

С потолка свешивалась всего одна небольшая лампочка, но ее вполне хватало на весь подвал. Брызнул ослепительный свет, и ему пришлось прикрыть воспаленные глаза локтем. Кто-то спускался по лестнице: он слышал, как поочередно скрипит каждая ступенька.

— Полиция штата Нью-Йорк, — послышался голос, — здесь кто-нибудь есть?

Он наконец прозрел — во всех смыслах. Он видел два тела, распростертых неподалеку от него; видел бетонный пол, на котором оставили свои страшные отпечатки их смерти; видел месиво, в которое превратились его грудь и живот. Затем он перевел глаза на собственные руки — и понял, что наделал. Засохшая на них кровь принадлежала не ему.

Мэттью Фаррелл

Вслед за полицейским в подвал ворвалось облако дыма. Сама эта призрачная фигура, облаченная в темный костюм и шлем, напоминала ангела смерти. Этот ангел заставит его заплатить за совершенные грехи — и будет совершенно прав. Он понимал, что заслуживает наказания.

Слабость усиливалась.

Он был готов сойти в ад.

Ад уже окружал его.

ГЛАВА 1

Рэндалл Брок повернул монитор к центру комнаты и сделал глубокий вдох. Нажав на кнопку пульта управления, он прислонился к стене и начал следить за открывшимся на экране видеороликом. Он знал, что сейчас произойдет и как закончится. Ничего хорошего.

На экране появился доктор Питер Римс. Он откинулся назад в удобном кресле — практически так же в этот момент сидел настоящий Питер Римс — и внимательно следил за монстром, притаившимся внутри его собеседника.

— Давай, Джерри, — произнес доктор Римс из видео. — Можешь начинать.

Пациент, Джерри Осборн, крутился на своем месте, пытаясь найти позу поудобнее. Он сильно щурился и постоянно вытирал выступающие над бровями капельки пота.

— Вы уверены, что хотите это услышать, док?

— Да. Все хорошо. Я тут. Здесь только ты и я. Я хочу, чтобы ты закрыл глаза и все мне рассказал. Так, как мы с тобой договаривались.

— Но я...

— Все в порядке, честно. Закрой глаза.

Джерри повиновался. Его тело начало расслабляться, плечи округлились, подбородок свесился до самой груди.

— Отлично. Начинай.

Джерри вздохнул.

— Представьте, что вокруг темно. Не так, как просто ночью, блин, реально темно, как будто набегают штормовые облака, все небо черное, и больше не видно ни луны, ни звезд. Вообще ничего не рассмотреть. Бывает темнота, в которой тени густеют, понимаете, о чем я? В такой темноте думаешь, что там, где горит свет, будет безопасно. Только никакая это не безопасность, а обман. Свет в такой тьме — это ловушка, но люди постоянно об этом забывают. Они бегут на этот свет, они сделают все, чтобы выбраться из тьмы. Вот почему их так легко поймать. Надо просто подождать их там, где горит свет, надо пообещать им, что все будет хорошо, и они придут к тебе. Они придут прямо к тебе в руки.

— Кто вышел из темноты и пришел к тебе? — спросил Питер.

— Она. Точнее, все было не совсем так. Она не бежала от темноты, она застряла в ней, как будто ее схватили. Я вывел ее на свет.

— Что ты имеешь в виду?

— Я увидел ее, когда пришел на прием к дантисту. Похоже, она была новенькой секретаршей или кем-то в этом роде. Было видно, какая она умница и чистюля. Я бы даже сказал, что она была довольно симпатичной. Но она отбрила меня, когда я попытался с ней заговорить. Понятное дело, это было не очень вежливо.

Я представился и протянул ей руку, а она посмотрела на меня так, словно я предлагал ей дохлую рыбу, и умчалась прочь.

— Как ты себя почувствовал?

— Как неудачник. Как будто я был никем. Я был просто растоптан. Я пошел на парковку и стал дожидаться, когда все закроется и она выйдет с работы. Увидев ее, я подошел и спросил, почему протянул ей руку и предложил пожать. Она рассмеялась и сказала, что ее такое не интересует. Я ответил, что тоже в этом не заинтересован, просто проявляю дружелюбие. Она сказала, что у нее уже достаточно друзей, а потом повернулась и ушла. *Повернулась и ушла*, представляете? Она что, не могла просто пожать мне руку?

— Что ты сделал потом?

— Пошел домой и выпил пару банок пива. Посмотрел матч. Немного пофантазировал о ней — но потом у меня в голове стали возникать всякие штуки, которые я хотел бы с ней проделать. Ну, я сейчас не про секс. Это было как бы... про насилие. Я хотел сделать ей больно. Хотел ее прикончить. Я попытался избавиться от этих мыслей — я ведь не мог реально этого хотеть, правда? Я даже не знаю, откуда все это взялось, но чем больше я пытался игнорировать эти мысли, тем сильнее мне хотелось это сделать. Я просто не мог перестать думать об этом, док. Я залез в поисковик, чтобы узнать, что это такое со мной, и нашел кучу жутких сайтов, от которых мне только сильнее этого захотелось. Я себя больше не узнавал. Правда, потом я подумал, что человек не может вот так просто измениться, так что, наверное, что-то внутри меня всегда этого хотело — и росло, как водоросли или какая-нибудь опу-

холь, а я и не знал, что у меня внутри такой ужас. В общем, эта девчонка как-то вытащила эту штуку наружу. Думаю, это все ее смех. Она смеялась так, что я сразу понял, что вся ее жизнь проходит в той самой темноте, о которой я говорил вначале, и она не может отсюда выбраться. Мне надо было вывести ее на свет, вот так-то.

Питер кивнул и что-то черкнул в своих заметках:

— Что было потом?

Губы Джерри растянулись в легкой усмешке.

— Я еще пару дней шпионил за ней. Ходил за ней всюду, куда бы она ни направлялась: офис, дом, кино, супермаркеты. Я следил за тем, как она выгуливает своего пуделя, и вычислил, по каким сменам она работает. Господи помилуй, да я даже знал, когда у нее обед.

— Расскажи, как ты вывел ее на свет.

— Я перерезал ей шланг охлаждения. До дома ей было довольно далеко, так что я прикинул, когда машина встанет, и поехал за ней. Наконец, как я и рассчитывал, машина начала глохнуть, и она срулила на обочину. Не оставлять же было ее в такой ситуации, правда? Я направился к ней. О, да я был словно луч света в темном царстве! Мое появление сулило ей избавление от всех неприятностей, ну, по крайней мере ей так казалось.

Джерри сделал паузу.

— Слева там было озеро, а справа лес, так что на дороге было хоть глаз выколи. Она заметила мой фургон, увидела его фары и явно расслабилась. А как же, такая принцесса в беде — и тут появляется рыцарь на грузовике! Что за удача, а? Я подъехал поближе и немножко опустил окно — так чтобы она не могла меня как

следует рассмотреть. Я спросил, не надо ли ей помочь, и она сказала, что это было бы очень здорово. Потом добавила, что не знает, что случилось, и очень мне благодарна. Ох уж эти фифы! Любезничают только тогда, когда им что-нибудь от тебя нужно. Понятно же, что вообще-то ей, блин, плевать.

— Что ты сделал? — спросил Питер.

Джерри пожал плечами.

— Я вылез наружу. Она не успела сообразить, что к чему, я стукнул ее монтировкой по голове. Я не собирался ее убивать или еще что, просто хотел побыстрее с этим разобраться. Потом я затащил ее в грузовик, проехал еще парочку миль и свернул на просеку — ее я заметил, когда охотился в этих местах. Я выключил мотор и потащил ее в лес; пришлось пройти еще с полмили. Под конец она начала приходить в себя, но вокруг было слишком темно, да и голова у нее, видимо, еще кружилась, так что она особо не паниковала, пока я не начал затягивать ей лодыжки.

— Что ты чувствовал, когда связывал ей ноги?

— Контроль, — ответил Джерри. — Чувствовал, что я тут главный. Она испугалась, а это было как раз то, чего я хотел. Надо было показать ей, какие у всего этого могут быть последствия — а ничто не объяснит этого лучше, чем связанные руки и ноги.

— Что было потом?

— Сначала она просто оглядывалась, типа не могла понять, что происходит. Дергалась и пыталась освободиться, но еще какое-то время молчала. Первый писк она издала только через несколько минут; понемногу он начал становиться громче, как будто она собиралась завопить, так что я залепил ей рот скотчем. Когда я по-